

Переписка с литературными критиками и издательскими деятелями представлена письмами к Вячеславу Павловичу Полонскому, Павлу Николаевичу Медведеву и Сергею Александровичу Обрадовичу.

Полонский, на наш взгляд, был тем человеком, чья дружба и поддержка определили переход Пастернака к эпической тематике и его стремление к более тесной связи с социальной действительностью. В 1934 г. Пастернак так подытожил свои отношения с ним и «Новым миром»: «Не верится, что это всего десятилетие, — столь определяющая часть жизни падает на эти годы. Кажется, чуть ли не с первого литературного рождения журнал вел меня, воспитывал и переделывал к лучшему. В особенности, наряду с нынешним его руководством, относится это к годам редактирования Вячеслава Павловича Полонского»⁷.

Отношения с заведующим литературно-художественным отделом Ленгиза П. Н. Медведевым связаны с подготовкой предполагавшегося в 1929 г. издания «Спекторского». Письма к Медведеву освещают не только историю этого неосуществленного издания, характерную для биографии Пастернака, но и сам процесс работы над романом. Они значительны еще и тем, что раскрывают взгляды Пастернака на формальный метод и его критику, высказанные им по поводу книги Медведева «Формальный метод в литературоведении»⁸. Пастернак, вероятно, знал, что к созданию книги причастен М. М. Бахтин, который, таким образом, косвенно включается в переписку.

В письме к С. А. Обрадовичу Пастернак комментирует написанные им в 1927 г. стихи «К Октябрьской годовщине» и обосновывает свой тогдашний подход к этой теме и связанные с ней творческие замыслы.

Большой интерес представляют письма Пастернака к Владимиру Познеру и Джорджу Риви, переводчикам его поэзии на французский и английский языки и авторам появившихся в 1920-е годы за границей работ о советской литературе.

Поздравительное письмо к юбилею известного педагога и популяризатора русского фольклора, артистки и писательницы Ольги Эрастовны Озаровской — не только пример умения сделать такое письмо светлым и праздничным, но и характерный знак глубокого интереса Пастернака к фольклорным истокам художественной литературы.

¹ Сведения взяты из «Анкеты профессионального союза поэтов» (1919; см. наст. том: Пастернак — Полонский, п. 2, прим. 4), и из очерка *Люди и положение*, с. 224.

² «На лит. посту», 1927, № 4, с. 74.

³ ВЛ, 1972, № 9, с. 139.

⁴ «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» — ЛН, т. 70; «Край, ставший мне второй родиной (Письма Б. Пастернака к грузинским писателям)» — ВЛ, 1966, № 1; «Письма друзьям» — «Лит. Грузия», 1966, № 1-2; «Письма Б. Л. Пастернака к М. В. Юдиной» — «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 29; М., «Книга», 1967; «Из писем Б. Пастернака к С. Спасскому» — ВЛ, 1969, № 9; «К переводам шекспировских драм (Из переписки Бориса Пастернака)» — В кн. «Мастерство перевода». М., «Сов. писатель», 1969; «Чудо поэтического воплощения (Письма Бориса Пастернака)» — ВЛ, 1972, № 9; «Пастернак и Козинцев. Письма о Гамлете» — ВЛ, 1975, № 1; «Из переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака в 1926 г.» — ВЛ, 1978, № 4; «Письма к В. М. Саянову» — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год». Л., «Наука», 1979; «Иоэзф Гора и Борис Пастернак» — ВЛ, 1979, № 7; «Письма грузинским друзьям» — «Лит. Грузия», 1980, № 2, «Письма к М. А. Волошину и О. Д. Форш», «Письма к Г. Э. Сорокину» — «Ежегодник рукописного отдела ПД на 1979 г.» Л., 1981, с. 191—227.

⁵ Письмо к О. М. Фрейденберг, 3 января 1928 г. (АП).

⁶ Печатается по фотокопии, предоставленной нам Ахматовой (оригинал утерян).
НМ, 1934, № 12, с. 9.

⁷ П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., «Прибой», 1928.

БОРИС ПАСТЕРНАК — АННА АХМАТОВА

В очерке «Люди и положение» Пастернак восстанавливает момент своего первого знакомства с поэзией Анны Ахматовой. Он пишет о том, как в 1915 г. ее стихи поразили его живой реальностью своего содержания: «Я хорошо помню. Лучи садившегося осеннего солнца бороздили комнату и книгу, которую я перелистывал. Вечер в двух видах заключался в ней. Один легким порозовением лежал на ее страницах. Другой составлял содержание и душу стихов, напечатанных в ней. Я завидовал автору, сумевшему такими простыми средствами удержать частицы действительности, в нее занесенные. Это была одна из первых книг Ахматовой, вероятно, «Подорожник»¹.

Рисунок Л. О. Пастернака (ит. карандаш). Берлин, 12 марта 1923 г.

На полях надписи: «L. Pasternak»; «Пастернак 12/III 23»; «Мой сын Борис. Л. Пастернак»

The Ashmolean Museum of archaeology and art (Музей археологии и искусства Эшмола), Оксфорд

Вспоминая во всей свежести первого впечатления подробности этого чтения, Пастернак забыл название книги. Это никак не мог быть названный им «Подорожник», потому что сборник этот вышел только в 1921 г.² Название книги угадывается в самом тексте очерка: «Вечер в двух видах заключался в ней». Это именно впечатление от чтения первой книги Ахматовой «Вечер», но в руках у Пастернака был, вероятно, не сам «Вечер», изданный в 1912 г.³, а «Четки»⁴, включавшие «Вечер» отдельным разделом в конце книги.

Вероятно, Пастернак познакомился с Ахматовой в январе 1922 г., когда ненадолго приезжал в Петроград. Во всяком случае, встретившись с Цветаевой, он рассказал ей об этом знакомстве, назвав «основной земной приметой» Ахматовой «чистоту внимания». «Она напоминает мне сестру»⁵, — добавил он.

И так на всю жизнь, — всякий раз, в стихах, в разборах, стремясь охарактеризовать творчество Ахматовой, Пастернак возвращался к первому нетускнеющему воспоминанию:

Но, исходив из ваших первых книг,

Где крепли прозы пристальной крупицы... (п. 3)

Для Пастернака «пристальность прозы» — лучшее качество стихов.

Об этом же он пишет в неопубликованной рецензии на книгу стихотворений Ахматовой «Избранное» (Ташкент, 1943): «Эротической абстракции, в которую часто вырожда-

ется условно живое «ты» большинства стихотворных излияний, Ахматова противопоставила голос чувства в значении действительной интриги. Эту откровенность в обращении к жизни она разделяла с Блоком, едва еще тогда складывавшимся Маяковским, щедшими на сцене Ибсеном и Чеховым и их интересом к значащим очевидностям и сильным людям. Это придавало «Вечеру» и «Четкам», первым книгам Ахматовой, оригинальный драматизм и повествовательную свежесть прозы» (АП).

В 1922 г. была издана «Сестра моя жизнь», до этого пять лет ходившая в списках, — первая книга, которой Пастернак не стыдился: «сила, давшая книгу, (...) была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали», — писал он о ней в *Охранной грамоте* (с. 113). Из числа авторских экземпляров, полученных от издательства, Пастернак подарил и надписал несколько книг людям, чьим мнением он дорожил: Маяковскому, Асееву, Брюсову, Кузмину, Мандельштаму. В их числе была и Анна Ахматова.

В отношении Пастернака к Ахматовой многое определяется тем, что они оба принадлежали к одному поколению. Это поколение, по мнению Пастернака, в зачатке и расцвете творческих сил оказалось втянутым в решающие события родной истории⁶. Пастернак считал, что им дано сказать еще многое о виденном и пережитом. Поэтому волна критики, определявшей Ахматову, Кузмина, Мандельштама как поэтов, уже исчерпавших себя, достигших вершины мастерства и застывших в нем⁷, возмутила его так, как если бы речь шла о нем самом. Именно этим руководствовался Пастернак, надписывая Ахматовой книгу «Сестра моя жизнь» (п. 1). Тогда же, 14 июня 1922 г., он развил свою мысль в письме к Ю. И. Юркуну (прозаику и близкому другу М. А. Кузмина): «Но я считаю родными себе тех людей, самый расцвет впечатлительности и способности выраженья коих совпал с началом войны. О них установилась аксиома какой-то «дореволюционности», «выслушанности читателями до конца», «высказавшего себя без остатка мастерства», «символизма, акмеизма, буржуазности» и так далее. При установившемся у нас — час по нашим часам назад — взгляде это, как вам известно, означает что-то вроде доисторического происхождения». И далее: «В случае с Анной Андреевной боязнь показаться фамильярно-панибратствующим (а как это было бы далеко от истины!) преодолена чувством живого знакомства с ней. В этом духе я и сделал ей надпись: как человеку, несправедливо потерпевшему от дружественной критики, преждевременно объявляющей человека мастером, канонизирующей его в меру своих умеренных требований и больше ничего от него не желающей. А когда я книжку ей надписывал, я видел перед собою чуть что не девочку с тем восприимчивым воображением, которое чурается всякой обобщенности и отвлеченья, даже того малого, какое заключается в понятии «зрелого человека», не говоря уже о той абстракции, которой подвергается человек, мириящийся со званьем мастера»⁸.

В середине августа 1922 г. Пастернак с женой прожили в Петрограде несколько дней, а затем уехали морем в Германию, к родителям Бориса Леонидовича⁹. Ахматова пришла к отплытию, чтобы их проводить. Художница Е. В. Пастернак¹⁰ при каждой последующей встрече с Анной Андреевной вспоминала ее на фоне Финского залива, стоявшую у палубных поручней парохода.

Потом Ахматова приезжала в Москву, Пастернак — в Ленинград, и письма только дополняли их живое общение. Об одном из таких приездов и связанных с ним впечатлениях Пастернак пишет И. А. Груздеву 9 марта 1926 г.:

«Приехала сюда на три дня Анна Андреевна. Я ее видел два года назад. По-моему она поправилась и больше — похорошела, помолодела, но очень грустна. Я боялся задать ей вопрос о том, как ей живется материально, потому что прошлый год, когда ходили слухи о ее болезни¹¹ и стесненных обстоятельствах и я с Асеевым и Маяковским думали что-нибудь в этом отношении сделать (а мы Анне Андреевне горячо преданы и навыки приобрели не на улице, так что все, что тут тонкого надо было соблюсти, мы не хуже других знали), — до меня косвенно что-то дошло (не от А. А., а от ее знакомых), — что легло тенью обидной щепетильности на наши намеренья¹².

Недавно тут был вечер в пользу Волошина, без афиш, устроенный знакомыми для знакомых, миром Пречистенки и Арбата. Я в нем участвовал, хотя Волошин во мне и доли того не вызывает, что Ахматова, как бы я хорошо к нему ни относился¹³. И вообще в отношении А. А. формула этого товарищеского аффекта такова: изумительный поэт, человек вне всякого описания, молода, вполне своя, наша, блистающий глаз нашего поколения, надо, чтобы долго жила, много еще скажет и сделает.

Если бы она объявила тут свой вечер, был бы сбор «битковый». Но она и думать об этом не хочет, и явление это так чудесно в своей красоте и стройности, что со всеми его прихотями и пунктами хочешь считаться.

Я не знаю, к чему я вам про все это так сложно и вскользь пишу. Ага, понял. Это я, верно, собираюсь от почтового ящика пройтись в Морозовский музей, где она остановилась. Ваш Б. Пастернак.

Если случится увидеть Мандельштама, кланяйтесь ему. Мы много о нем с Анной Андреевной говорили и, кажется, одинаково его любим»¹⁴.

Высказанные в этом письме чувства восхищения, любви, уважения и нежной заботы возрастили от встречи к встрече. Пастернак имел возможность выразить их во время своих наездов в Ленинград в октябре 1932 г., когда Ахматова была больна, и в августе 1935 г., когда он задержался в Ленинграде, возвращаясь после Конгресса в защиту культуры из Парижа морем через Лондон. Пастернак, в свою очередь, заслужил расположение и доверие Ахматовой, которые со временем становились все глубже. Бывая в Москве, Ахматова дважды останавливалась у Пастернака: в 1935 г. (на городской квартире) и в 1940 г. (в Переделкине — см. п. 8, прим. 1). Письма Пастернака к Ахматовой за 1940 г. (п. 7 и 8) отражают новую ступень душевной близости и участия.

Из публикуемых писем видно, что переписка со стороны Ахматовой ограничивалась телеграммами и надписями на фотографиях. Иногда она просто не отвечала, что тревожило Пастернака и заставляло его осведомляться о ней у общих знакомых. Объясняется односторонний характер переписки, Ахматова писала Пастернаку 29 ноября 1952 г. в большинство: «Вы — мастер эпистолярного стиля — не осуждайте меня, ведь я же не пишу никому и никогда!» (АП).

Во время войны, в июле 1942 г. Пастернак написал Ахматовой в Ташкент. Ахматова читала это письмо вслух на встрече Нового (1943-го) года у композитора А. Ф. Козловского¹⁵. Сохранился ее ответ (АП), само же письмо Пастернака утеряно. В 1961 г. передавая нам копии писем Пастернака, Анна Андреевна особенно сожалела о пропаже этого письма.

Письма 1940—1950-х годов представляют собой эпизодические свидетельства живой многолетней дружбы Пастернака и Ахматовой. Ахматова в эти годы подолгу жила в Москве и встречи создавали большую осведомленность друг о друге, нежели переписка. Письма и другие документы этого периода немногочисленны и до конца не собраны. Нам известны: 2 рецензии Пастернака на сборник стихов Ахматовой «Избранное» (Ташкент, 1943 — АП), 2 записки, цитированная выше надпись на книге и одна телеграмма Пастернака (1952—1954 — ГПБ, ф. 1073), а также два письма Ахматовой Пастернаку от 1943 и 1952 гг. и записка ему же от 1947 г. (АП).

Ниже публикуются все сохранившиеся довоенные письма Пастернака к Ахматовой (8 писем, в том числе дарственная надпись на книге «Сестра моя жизнь»). Письма Ахматовой к Пастернаку неизвестны.

Судьба публикуемых писем Пастернака такова.

В 1926 г. Ахматова передала книгу «Сестра моя жизнь» с дарственной надписью Пастернака своей приятельнице Л. Я. Рыбаковой, сделав на титульном листе надпись: «Милой Лидии Яковлевне Рыбаковой на вечное хранение от недостойной собственницы этой книги. Анна Ахматова. 1926. 15 апреля». Позже она отдала ей также письма Пастернака, объясняя это своей бездомностью и неумением хранить бумаги. Машинописные копии этих писем (п. 1, 2, 4, 5, 7, 8) Ахматова в 1961 г. передала в семейный архив Пастернака (АП). В 1972 г. письма, хранившиеся у Рыбаковой, поступили в ЦГАЛИ; однако книги с надписью среди них не оказалось, местонахождение ее неизвестно.

Письмо 3 поступило в 1945 г. в ГЛМ (в разговоре с нами Ахматова не упоминала о его существовании). Письмо 6 сохранилось в архиве Н. Н. Пуниной (ЦГАЛИ). Письмо 1 публикуется по машинописной копии (АП), письма 2—8 — по автографам: п. 3 — ГЛМ, ОФ 4840; п. 6 — ЦГАЛИ, ф. 2633, оп. 1, ед. хр. 17; остальные письма — ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 149. Письмо 7 ранее было опубликовано по дефектной копии (ВЛ, 1972, № 9).

Мы глубоко благодарны друзьям Анны Ахматовой и исследователям ее творчества, помощью и советами которых пользовались при подготовке этой переписки к печати.

¹ *Люди и положения*, с. 225.

² Анна Ахматова Подорожник. Пг., «Петрополис», 1921.

³ Анна Ахматова. Вечер. СПб., «Цех поэтов», 1912.

⁴ Анна Ахматова. Четки. СПб., «Цех поэтов», 1913 (2-е изд.— 1914).

⁵ Письмо Цветаевой Пастернаку от 29 июня 1922 г.— в кн. Марина Цветаева. Неизданные письма. Париж, 1972, с. 268.

⁶ «Каково же было поколение? Мальчикам близкого мне возраста было по тринадцати лет в девятьсот пятом году и шел двадцать второй год перед войною. Обе их критические поры совпали с двумя красными числами родной истории. Их детская возмужалость и их призванное совершенство сразу прошли на скрепы переходной эпохи. Наше время по всей толще прошито их нервами и любезно предоставлено ими в пользование стариакам и детям» (*Охранная грамота*, с. 92).

⁷ См., например, отзыв В. Чудовского, бывшего критика журнала «Аполлон»: «Какова бы ни была оценка событий, семь лет ниспадающих на нас, как дождь небесного огня, каково бы ни было конечное их разрешение, достоверно одно: эти события — второе рождение России. Но для многих лучших уже поздно, слишком закончено и зрело высокое их мастерство. Ни Анна Ахматова, неизлечимо больная зарей вчерашнего «Вечера»; ни зачарованный собственной свирелью Кузмин; ни опьяненные фимиамами Федор Сологуб и Вячеслав Иванов; ни давно запутавшийся в чащах Андрей Белый; ни даже столь непоправимо умудренный Александр Блок — не найдут новых слов на новых дорогах. Иные же просто не поймут» (*По поводу одного сборника стихов («Корабли» Анны Радловой)* — «Начала», 1921, № 1, с. 209—210).

В статье «Ахматова и Маяковский» Корней Чуковский, противопоставляя двух поэтов, связывает Ахматову целиком с прошлым за ее приверженность старой России и религиозность (*«Дом искусства*», № 1, 1921). 19 января 1922 г. на первом вечере «Чистки поэтов» в Политехническом музее Маяковским было объявлено, что «Ахматова, Вяч. Иванов остаются за бортом как последыши рухнувшего строя, никчемные, жалкие и смешные анахронизмы» (Д. А. Фурманов. Собр. соч. в 4-х томах, т. 3. М., 1960—1961, с. 280).

Несколько позже еще более резко писал О. Тизенгаузен: «От мертвой Ахматовой, кроме благородных перепевов, более нечего ждать» (*«Салоны и молодые заседатели Петербургского Парнаса»*. — *«Абраксас»*, № 1, 1922, с. 60).

⁸ ГПБ, ф. 400, оп. 1, ед. хр. 148.

⁹ См.наст. том: Пастернак — Полонский, п. 3, прим. 1.

¹⁰ Жена Пастернака — Евгения Владимировна Пастернак — была тогда студенткой ВХУТЕМАСа.

¹¹ Апрель и май 1925 г. Ахматова провела в санатории в Детском селе в связи с обострением туберкулеза.

¹² Об одной из попыток денежно помочь Ахматовой писал Л. В. Горунгуну поэт П. Н. Лукницкий 10 февраля 1926 г.: «Я сделал большую оплошность: сказал А. А. Ахматовой о пушкинском вечере в ее пользу. А. А. очень огорчилась и категорически отказалась от денег. Вы знаете ее щепетильность в этом отношении. Очень я себя браню и очень это грустно, потому что ее материальное положение, как мне приходится видеть, оставляет желать многое лучшего» (Личный архив Л. В. Горунгунга, Москва).

¹³ Вечер состоялся 1 марта 1926 г. Л. В. Горунгун в своих неизданных воспоминаниях пишет, что Пастернак читал на этом вечере два отрывка из поэмы «Девятьсот пятый год» (там же).

¹⁴ АГ, ФГ-8-8/8.

¹⁵ По рассказу жены композитора Г. Л. Козловской.

1. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

Анне Ахматовой, поэту — товарищу по несчастью. Дичливой, отческой, и менее чем на половину использованной впечатлительности, и потому: — особо-исключительной жертве критики, не умеющей чувствовать и пытающейся быть сочувственною, жертве непрошенных и никогда не свое временных итогов и схем, с любовью от человека, который все силы свои положит на то, чтобы изгнать отвратительное слово «мастер» из прижизненной обстановки людей, осужденных выражать себя и себя в этом выражении складывать, с клятвенным обещанием повысить требовательность века до тех натуральных норм, когда можно будет прохаживаться в размышлениях, не рискуя расшибить лба об неожиданную апофеозу, и темени, при естественном отскоке назад — об еще более неожиданное и оправданное только принципом архитектурной симметрии развенчанье.

Б. Пастернак

Дарственная надпись на книге «Сестра моя жизнь» (М., изд. Гржебина, 1922) об обстоятельствах, определивших содержание этой надписи, а также о судьбе самой книги см. наст. том: Пастернак — Ахматова, предисловие.

2. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

<Москва> 17.IV.<19>26

Дорогая, дорогая Анна Андреевна!

Как вас благодарить, что не забыли вашего слова в ответ на мое восклицанье, вырвавшееся так безотчетно и так ведь верно! Еще труднее описать чувство радости при получении этой удивительной карточки с удивительной Ахматовской надписью, совершенной в ее кажущейся случайности, как и все у вас. Вы может быть забыли? Там сказано: «от этого садового украшения»!¹

Но, Анна Андреевна, зачем вы так небрежете здоровьем? Горунг передает, будто вы опять хвораете. А я-го на радостях написал Цветаевой (знаете, в тот вечер, что мы о ней говорили, она читала вас в Лондоне)², — про сказочную перемену, которую нашел в вас, и эта радость успела там распространиться³. Если бы я не верил в доброту всякого глаза, устремленного на вас, я бы из предосторожности перестал заикаться о вашем здоровье. При таком же убеждении мне хочется просить вас положенья этого не колебать. От всего сердца желаю вам скорейшей поправки.

Анна Андреевна, у меня к вам просьба, которую я испещрю оговорками только в виду вашей высокой, поразительной и редкой разборчивости в вещах практических. Однако, думается, ей в данном случае не может быть места. Речь идет о получении причитающегося вам гонорара за перепечатку ваших стихов в «Антологии русской поэзии XX в.», выпущенной издательством «Новая Москва»⁴. Составители и книгоиздательство, собирая книгу, и не подозревали, что им когда-нибудь об авторах напомнят. Сделали это, в отношении себя самих, Герасимов и Кириллов⁵. Суд приговорил издательство к выплате истцам гонорара по 50 коп. за строчку. Местком писателей (полноправный Союз) на основании соответствующих отдельных заявлений, предъявляет издательству аналогичный иск от лица всех, как говорит-ся в таких случаях, — потерпевших. И вот, драгоценная и неповторимая пострадавшая, одного насморка которой не стоит вся антология со всем издательством впридачу, настойчиво прошу вас о следующем. Пришлите Ю. Н. Верховскому⁶ или мне собственноручное заявление в Моск^{овский} местком писателей при Союзе Рабпроса — о доправке с издательства «Новая Москва» причитающегося вам гонорара за перепечатку ваших стихов в «Ант^{ологии} р^{усской} поэзии XX в.», выпущенной издательством. Пришлите также Юрию Никандровичу или мне доверенность на получение денег, которые издательство обязано будет выплатить по принуждению суда, но вероятно не раньше осени. Вам приходится, если не ошибаюсь, около 200 руб. (немн^{ого} больше или меньше, не помню). В доверенные я вам навязываю двух лиц на выбор с тем, чтобы сузить наблюденье за вашими дальнейшими шагами до полной обозримости. А то нельзя быть уверенными, что вы что-нибудь предпримете.

Простите, что неприличнейшим образом исписываю листок со всех сторон. Не знаю, куда девалась почтовая бумага. Хочется верить, что вам уже лучше. После вашего пребывания в Москве началось для меня удивительное время. Было несколько радостных сообщений из-за границы⁷. Потянуло к работе. И вдруг разыгралась нестерпимая невралгическая боль в челюсти и в левом виске. Пришло все бросить.

Адрес Ю. Н. Верховского. Остоженка, Коробейников (б. 1^а Ушаковский) п., д. 12, кв. 4.

Привет Н. Н. Пунину⁸. Мой адрес: Волхонка 14, кв. 9.

Еще раз горячо благодарю вас за все.

Преданный вам Б. Пастернак

¹ Фотография Ахматовой, в позе сфинкса, с надписью «от этого садового украшенья» в АП не сохранилась. Передал ее Пастернаку поэт Лев Владимирович Горунг (р. 1902), в то время сотрудник ГАХН. Пастернак познакомил его с Ахматовой в марте 1926 г., во время ее пребывания в Москве; в конце марта Горунг ездил в Ленинград, виделся там с Ахматовой и привез от нее Пастернаку фотографию с надписью (сведения взяты из дневниковых записей Горунга, хранящихся в его личном архиве, и из его сообщения в разговоре с нами). Позднее Горунг выполнил серию фотопортретов Ахматовой (1936) и Пастернака (1936 и 1948). Перед написанием этого письма Пастернак запрашивал его об адресе Ахматовой (в архиве Горунга сохранилось письмо к нему П. Н. Лукницкого от 9 апреля 1926 г.: «Сообщаю вам пока адрес Анны Андреевны для Б. Пастернака: ул. Халтуриня (б. Миллионная), д. 5, кв. 12». О Лукницком см. п. 5, прим. 2).

² Ахматова была в Москве 8—10 марта 1926 г. Цветаева была в Лондоне с 10 по 25 марта; здесь, по инициативе Д. П. Святополка-Мирского (см. о нем. п. 6, прим. 6), были организованы в ее пользу два вечера, на которых она читала произведения современной русской поэзии.

³ О том же Пастернак писал И. А. Груздеву 9 марта 1926 г. (см. наст. том: Пастернак—Ахматова, предисловие).

⁴ «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символистов до наших дней». Сост. И. С. Ежов и Е. И. Шамурин. М., «Новая Москва», 1925. Здесь напечатано 35 стихотворений Ахматовой.

⁵ Михаил Петрович Герасимов (1889—1939) и Владимир Тимофеевич Кириллов (1889—1943)—поэты «Кузницы».

⁶ Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы.

⁷ Из письма отца (17 марта 1926 г.—АП) Пастернак узнал, что он стал известен своему любимому поэту Р.-М. Рильке. Одновременно до него дошла очень его взволнованная «Поэма конца» Цветаевой. Оба эти события отразились в письме Пастернака к Рильке 12 апреля 1926 г. (Архив Рильке. Герисбах — Баден, ФРГ; отрывок из этого письма см.: ВЛ, 1978, № 4).

⁸ Николай Николаевич Пунин (1888—1953) — искусствовед, муж Ахматовой.

3. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

(Москва) 6.III.1926

Дорогая Анна Андреевна!

Мне кажется, я подберу слова
Похожие на вашу первозданность,
И если не означу существа,
То все равно с ошибкой не расстанусь.

Я слышу мокрых кровель говорок,
Колоколов безмолвные эклоги.
Какой-то город, явный с первых строк,
Растет и узнается в каждом слоге.

Волнует даль, но за город нельзя.
Пока внизу гуляют краснобаи,
Глаза шитьем за лампою слезя,
Горит заря, спины не разгибая.

С недавних пор в стекле оконных рам
Тоскует воздух в складках предрассветных.
С недавних пор по долгим вечерам
Его кроят по выкройкам газетным.

В воде каналов, как пустой орех,
Ныряет ветер и колышет веки
Заполуничавшейся за всех
И счет часам забывшей белошвейки.

Мерцают, заостряясь, острова.
Метя песок, клубится малокровье,
И хмурит брови странная Нева,
Срывааясь за мост в роды и здоровье.

Всех градусов грунты рождает взор:
Что чьи глаза накурят, все равно чьи.
Но самой сильной крепости раствор —
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.
Он мне внущен не тем столбом из соли,
Которым вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи ¹,

Но, исходив от ваших первых книг,
Где крепли прозы пристальной крупицы,
Он и сейчас, как искры проводник,
События былью заставляет биться.

Дайте мне, просто даже открыткою, санкцию на печатанье этого стихотворения. Может быть, в корректуре я его усилю. Очень много работаю сейчас, но над прозой, и для того чтобы ее дальше писать, пришлось прибегнуть к помощи стихов ².

Но последний остаток лирического чувства живет и догорает во мне только еще в форме живого (и конечно неоплатного) долга перед нескользкими большими людьми и большими друзьями. Я написал вам, Мейерхольдам и Маяковскому. Я у вас спрашиваю не мненья о стихотворении, потому что знаю, что оно слабо, и в нем нет того движения, которое соответствовало бы записанным образам, вами вызываемым. Но может быть вам что-нибудь просто не понравится как-нибудь лично, и это я должен знать и с этим обязан считаться, потому что это обращено к вам, т. е. «Ахматовой» будет заголовком, а не только посвящением.

Необходимость уписать строку в почтовую строчку довела мой почерк до такой не свойственной ему бисерности, что у меня нет чувства, будто я вам пишу письмо. Я и не пишу его. Это деловой запрос. Буду с нетерпением ждать вашей открытки. Адрес Москва 19, Волхонка 14, кв. 9. Отдам, если позволите в альманах «Недра», вместе с двумя другими обращениями, которые еще хуже ³. Еще раз повторяю — вопрос в том, терпимо ли оно для вас. Вы знаете, с какой силой живете во мне, как и во всяком, и насколько это лишь естественно, не более того. К этому знанию стихотворение ничего не прибавляет.

Затем ясно ли, что речь об особом складе электрической силы, которая выражена не только в «Лотовой жене» и не в образе соляного столба только, а исходит от вас всегда и никогда не перестанет исходить.

Ваш Б. П.

Выюном подчеркнул места, которые постараюсь заменить во всяком случае, по их невыразительности или неуклюжести ⁴.

Письмо адресовано в Мраморный дворец (ул. Халтурина, д. 5, кв. 12), но к этому времени Ахматова переехала в квартиру своего мужа Н. Н. Пунина в «Фонтанном доме»; старый адрес на конверте, написанный рукой Пастернака, заклеен справкой о переезде адресата: «Фонтанка, 34, кв. 14».

¹ Имеется в виду стихотворение Ахматовой «И праведник шел за послаником бога...» («Русский современник», 1924, № 1; позднее получило название «Лотова жена» — см.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л., «Сов. писатель», 1976, с. 160):

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

² В это время Пастернак был поглощен работой над прозаической «Повестью» (см. наст. том: Пастернак — Медведев, п. 3, прим. 3). Мотивы, побудившие его к работе над стихотворными посвящениями Ахматовой, Мейерхольдам и др., Пастернак излагает в п. 4.

³ Стихотворение опубликовано в КН (1929, № 5); там же напечатаны (без названия) стихи, обращенные к Марине Цветаевой, и стихотворение «Мейерхольдам» (Вс. Э. Мейерхольду и его жене З. Н. Райх). — См. Стихотворения и поэмы, с. 199—201.

⁴ Стихотворение подверглось существенной переработке: 6-я строфа выпущена, строфы 3—5-я и 7-я переписаны заново, но подчеркнутые волнистой чертой («вьюном») слова («Ночная даль...» и «Где крепли прозы...») остались без изменения (Стихотворения и поэмы, с. 199—200; впервые: «Поверх барьера». М., ГИХЛ, 1931).

4. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

(Москва) 6.IV.(19)29

Дорогая Анна Андреевна!

Недели три тому назад я вам отправил письмо по вашему старому, а легко может быть, и по ложному адресу¹. Я в нем испрашивал вашей санкции на печатанье стихотворенья, к вам обращенного. Оно было приложено. Своей оплошностью я поставил себя в положенье неуяснимой неизвестности. Но все же мне казалось, что вы бы мне отказали на словах (в случае, если письмо дошло), а не в такой молчаливой, обрекающей на догадки, форме. Вероятно, так оно и есть, и я очень рад прощаже письма, потому что я им поторопился, и стихи послал с первой записи.

Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой повестью², которую пишу с верой в удачу. Я недавно болел, но не прерывал работы. Мне очень хорошо. Далекий от мысли, что я это осуществляю, я вновь, как бывало, умилен до крайности всем тем, что человеку дано прочувствовать и продумать. Мне некуда девать это умиленье, повесть потеряла бы в плотности, если бы я все это излил на нее одну. Мне приходится исподволь писать стихи. Их теперь, в моем возрасте, я понимаю как долговую расплату с нескользкими людьми, наиболее мне дорогими, потому что, конечно, именно они — истинные адресаты, к которым должно быть обращено это умиленье. Я хочу написать стихотворенье Марине, вам, Мейерхольдам, Жене и Ломоносовой, нашей заграничной приятельнице. Вам и Мейерхольдам они, написаны, и когда будут сделаны остальные (повесть задерживает), мне бы хотелось их напечатать³.

Если я пока не заслужил вашей искренности, то заслужу еще ее. И потому, будьте, пожалуйста, со мной откровенны. Если прилагаемое стихотворенье чем-нибудь неприятно вам (помимо того, что оно недостаточно сильно), напишите мне о том, пожалуйста, со всем прямодушьем. Пусть неудачно, но свое виденье вас и свое чувство я в нем выразил, и этого достаточно, чтобы на мой взгляд оно годилось для печати, и в этом случае, по понятным причинам, даже в нее просилось. Но я обязан считаться и с вами.

Ответьте, пожалуйста, и напишите несколько слов о себе. Ответьте хотя бы открыткой.

Всей душою преданный вам Б. П.

¹ Не получив ответа на п. 3, Пастернак просил Л. В. Горнунга 21 марта 1929 г.: «Не откажите в услуге, позвоните, пожалуйста, по нашему телефону 1-71-64, как-нибудь, в 3 часа дня, вызовите жену и сообщите ей точный адрес Ахматовой. У меня он записан не-разборчиво. Ул. Халтурина 5, кв. 12. Но можно прочесть и 15 (№ дома). Может быть, так именно я ей и адресовал одно письмо, отосланное тому назад две недели, и оно не дошло, отчего и нет на него ответа. Какие у вас вообще вести, от нее непосредственно, или же хотя бы о ней? Заранее благодарю вас. Всего лучшего. Ваш Б. П.» (АП).

² См. п. 3, прим. 2.

³ О стихах, обращенных к Цветаевой, Ахматовой и Мейерхольдам см. п. 3, прим. 3. Стихотворения, обращенные к Е. В. Пастернак и Раисе Николаевне Ломоносовой (жены известного инженера-паровозостроителя Ю. В. Ломоносова, другу семьи Пастернаков), не были написаны.

5. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

<Москва> 10.IV.<19>29

Дорогая Анна Андреевна!

Горячо благодарю вас за ответ и очень обеспокоен концом телеграммы¹. Если это возможно, я просил бы кого-нибудь из ваших близких или друзей, вас навещающих, сообщить мне, что с вами и как ваше самочувствие.

Не надо прибавлять, с какой признательностью я приму такое извещение. Я просто бы, миновав вас, запросил Лукницкого², но, к сожалению, потерял его адрес. А вы, Анна Андреевна, пожалуйста, простите меня, что в такое время я вас обеспокоил подобной ерундой,— ведь это произошло без моего ведома, и не по моей воле все вышло так нехорошо и глупо. Всей душой, как только можно, желаю вам поскорее оправиться. Я и сам болел недавно, и по упорству и естественности, с какой, точно у себя дома и как постоянная жилица, обосновалась болезнь, еще недели две назад не видел, отчего бы и зачем ей кончиться и смениться здоровьем.

Пишу в вере, что моя просьба к вашим друзьям застанет вас в состоянии, когда это кажется уже более вообразимым. Всего лучшего.

Еще и еще раз большое спасибо.

Но об этом лучше не распространяться. Мне страшно стыдно. Я все знаю. Правда и то, что невозможно трудно сказать что-либо, хоть отдаленно вас достойное. Или не только вас. Но когда мы говорим о природе или о третьем лице, или о себе,— мы не оправдываем и не слышим ответа. И все сходит с рук. А ваша телеграмма, как старшая, смотрит на стихотворенье, и в ней больше содержания, живого и противоречивого, чем в последнем.

Ваш Б. П.

Жена шлет вам сердечный привет и тоже желает скорейшего и полнейшего выздоровления.

¹ Телеграмма (ответ на п. 4) не сохранилась. Вероятно, кроме согласия на печатание стихотворения, в ней содержалось упоминание о болезни Ахматовой — причине того, что п. 3 осталось без ответа.

² Павел Николаевич Лукницкий (1900—1973) — поэт и прозаик, друг Ахматовой и помощник в ее литературных делах. Ее занятия Пушкиным в это время шли при его непосредственном участии (см.: В. Лукница. Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. — ВЛ, 1978, № 1).

6. ПАСТЕРНАК — Н. Н. ПУНИНУ И АХМАТОВОЙ

<Москва> 19.X.<19>32

Дорогой Николай Николаевич, сердечно благодарю вас за успокоительное известие и Анну Андреевну за особенно драгоценную в ее состоянии приписку¹.

Звонил в день приезда Чулкову², он обещал тотчас же обратиться по делам Анны Андреевны в Наркомпрос и Оргкомитет, но этим не ограничился, как вы уже наверное об этом знаете по результатам одной оказии в Ленинград, которой он для этого воспользовался.

Так же горячо ко всему отнесся и Борис³, пообещав намылить голову Гронскому, главе Оргкомитета⁴. Он собирается к вам в конце месяца, перед этим я его увижу.

Набравшись храбрости, хочу просить лично вас, Николай Николаевич, чтобы в этих делах вы не ограничивали допуска нас, просторонних, одними теми минутами, когда Анна Андреевна находится в опасности, что в отношении общества было бы как-то страшно и нечеловечно. Поправка и отдыхи Анны Андреевны потребуют еще больших забот, нежели болезнь, и сколько найдется людей, для которых сознанье, что они хоть чем-нибудь могут быть ей полезны, составит счастье.

Не забудьте позвонить Спасскому (Сергею Дмитриевичу)⁵, 4-76-99. У них какие-то замечательные связи во врачебно-больничном мире, что для

установленья более твердого диагноза перед операцией может очень пригодиться, а, может быть, и для производства самой операции, если ее не избежать. И вообще, во всем, вплоть до направления мыслей и симпатий, Спасские меня легко заменяют и охотно заменят.

На вокзале собирался рассказать вам, но забыл, — что в Москву приехал из Англии Святополк-Мирский⁶, был у меня и очень кланялся Анне Андреевне. Он был у меня перед самым моим отъездом, и я толком еще даже и не познакомился с ним. Упущенное это восполню на днях, когда увижуся наново и как бы сначала. Тогда помешало постоянные квартиры. Вещи не были еще расставлены, оконные рамы были частью без стекол, частью с остатками расколотых, и — (был дождливый день) с потолка текло. Это меня страшно стесняло при встрече, т. е. я не стыдился его, а все это отвлекало внимание. Но за четыре дня моего отсутствия Зинаида Николаевна⁷ произвела настоящие чудеса, и теперь жить и принимать друзей можно сосредоточенно и не рассеиваясь.

Дорогая Анна Андреевна, целую вашу руку, и крепко жму вашу, Николай Николаевич. Еще раз большое спасибо за доверье и скорое известие. Выздоровливайте!

Преданный вам Б. Пастернак

¹ Это письмо не сохранилось. В октябре 1932 г. Пастернак был в Ленинграде, где узнал о тяжелой болезни Ахматовой.

² Друзья Ахматовой ходатайствовали перед Оргкомитетом Союза писателей и Наркомпросом об оказании ей материальной помощи и устройстве ее в больницу. Активное участие в этих хлопотах принял писатель Георгий Иванович Чулков (1879—1939).

³ Б. А. Пильняк был в это время дружен с Ахматовой. Ему посвящено стихотворение «Все это разгадаешь ты один...» («Стихотворения и поэмы». Л., «Сов. писатель», 1976, с. 191).

⁴ Иван Михайлович Гронский (р. 1894) — журналист и литературный критик, в 1932—1934 гг. — председатель Оргкомитета Союза советских писателей.

⁵ Поэт Сергей Дмитриевич Спасский (1898—1956) — друг Пастернака; жил в Ленинграде. 22 октября 1932 г. Пастернак писал ему: «От Пунина имел утешительное известие относительно Ахматовой, но в ответном письме порекомендовал все же обратиться к вам» (ВЛ, 1969, № 9, с. 173).

⁶ Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890—1939) — критик и литературовед, был в эмиграции в Англии, с 1930 г. член Коммунистической партии Великобритании, в 1932 г. вернулся в СССР.

⁷ Зинаида Николаевна Пастернак (1894—1966) — с 1931 г. жена Пастернака.

7. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

〈Переделкино〉 28.VII.1940

Дорогая Анна Андреевна!

Давно мысленно пишу вам это письмо, давно поздравляю вас с вашим великим торжеством, о котором говорят кругом вот уже второй месяц¹.

У меня нет вашей книги. Я брал ее на прочтение у Федина и не мог исчерпить восхитительными знаками, но отметки вынесены у меня отдельно, и я перенес их в свой экземпляр, когда достану книгу².

Когда она вышла, я лежал в больнице (у меня было воспаление спинного нерва), и я пропустил сенсацию, сопровождавшую ее появление. Но и туда дошли слухи об очередях, растянувшихся за нею на две улицы, и о баснословных обстоятельствах ее распространенья. На днях у меня был Андрей Платонов³, рассказавший, что драки за распроданное издание продолжаются и цена на подержанный экземпляр дошла до полтораста рублей.

Неудивительно, что, едва показавшись, вы опять победили. Поразительно, что в период тупого оспаривания всего на свете ваша победа так полна и неопровергима.

Ваше имя опять Ахматова в том самом смысле, в каком оно само составляло лучшую часть зарисованного вами Петербурга. Оно с прежней силой напоминает мне то время, когда я не смел бы поверить, что буду когда-нибудь знать вас и иметь честь и счастье писать вам. Нынешним летом оно

снова значит все то, что значило тогда, да, кроме того, еще и что-то новое и чрезвычайно большое, что я наблюдал последнее время в отдельности, но чего еще ни разу не видал в соединении с первым.

Это — соперничающее значение вашего нового авторства в «Иве» и новейших вставках⁴, ваша нынешняя манера, еще слишком своеаконная и властная, чтобы казаться продолжением или видоизменением первой. Можно говорить о явлении нового художника, неожиданно поднявшегося в вас рядом с вами прежнею, так останавливает этот перевес абсолютного реализма над импрессионистической стихией, обращенной к впечатлительности, и совершенная независимость мысли от ритмического влияния.

Способность ваших первых книг воскрешать время, когда они выходили, еще усилилась. Снова убеждаешься, что, кроме Блока, *таким* красноречием частностей не владел никто, в отношении же Пушкинских начал вы вообще единственное имя. Наверное я, Северянин⁵ и Маяковский обязаны вам безмерно большим, чем принято думать, и эта задолженность глубже любого нашего признания, потому что она безотчетна. Как все это врезалось в воображенье, повторялось и вызывало подражанья! Какие примеры изощренной живописности и мгновенной меткости!

Замечательно, что когда рядом с ними натыкаешься на вещи более широкого действия и иной, дополнительной силы, они теперь кажутся позднейшими вставками, и присутствие вашего нынешнего искусства начинаешь подозревать там, где его нет, как, например, на стр. 199 и 203 (наряду со стихотворением на стр. 198⁶, которое вы читали у Фединах).

Выбор ваш так совершенен, что предпочтению уже нечего делать и подчеркивать приходится почти все подряд. Особенно изобилуют такими гнездами сплошных драгоценностей стихи из «Чёток». Вот эти ряды: стр. 222, 223, 224, 225, 226, 227; 232, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 243⁷. Именно к таким «гнездам» может относиться весь будущий мир «Поверх барьеров», атмосфера его зарожденья, т. е. все то, чего я лишь всколызь коснулся тут в словах о нашей задолженности, о магическом действии вашей живописной силы и пр., и пр. Вот еще звездные скопления: 249, 253, 256; 264, 265, 266, 267, 269, 271 и др.⁸

Чтобы вы знали, с кем, в отношении вкуса, вы здесь имеете дело, скажу, что бегло, с налету и первого взгляда, вершинами, в разных отношениях, показались мне: стр. 50, 69, 145, 174!, 194, 198⁹, и несущественно, какую роль тут играла знакомость одних и знаменитость других страниц.

Но я начинаю заговариваться, и вам должно стать скучно. Позвольте, я прерву письмо, а то я боюсь, что никогда не отошлю его. Узнав, что я пишу вам, вам прошли кланяться Софья Андреевна¹⁰, Нина Александровна Табидзе¹¹, Константин Александрович Федин и Зина¹² (...). Когда будете в Москве, непременно приезжайте к нам в Переделкино! Тут сущий рай. После упоминания о больнице необходимо сказать, что я давно себя так замечательно не чувствовал, как этим летом.

Если бы вы почтили меня открыткой, сообщите, пожалуйста, как ваши дела и здоровье? С вами ли уже Лев Николаевич?¹³ Нина Табидзе приехала сюда хлопотать за мужа.

Я думал, вам будет приятно узнать, каким радостным событием была для меня ваша книга, написать вам об этом было моей живейшей потребностью, но я сделал это так неудачно, что письмо вам ничего не даст.

Вы должны догадываться, источником какой гордости являются для меня оба ваших незаслуженных подарка, стихотворенье и эпиграф¹⁴. Относительно последнего я не верил, несмотря на ваши слова, пока не увидал. Тон Перцова¹⁵ возмутил нас всех, но тут думают (между прочим, Толстой), что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о вас в журнале, а не в газете.

Ну до свиданья. Целую вашу руку.

Еще раз горячее спасибо вам от нас всех за это воплощенное чудо.

Ваш Б. Пастернак

На конверте обратный адрес: «Ст. Баковка (под Москвой) Зап. ж. д. Дачный гор. пис. «Переделкино», дача № 3.

Перед тем, как написать это письмо, Пастернак узнавал адрес Ахматовой у Н. А. Ольшевской: открытка Пастернака с этим вопросом хранится в ее личном архиве (Москва).

¹ Подразумевается выход в свет сборника Ахматовой «Из шести книг. Стихотворения» (Л., «Сов. писатель», 1940).

² Ни записок, ни книги с «отметками» Пастернака в его архиве не сохранилось.

³ Писатель Андрей Платонович Платонов (1889—1951) пользовался дружеским расположением Пастернака, высоко ценившего его прозу. Как нам известно, часто бывая в «доме Герцена» (Тверской бульв., 25), Пастернак всегда заходил и к Платонову, который жил в этом доме.

⁴ Сборник включал книгу стихов «Ива» (1940), а также избранные стихи из книг: «Anno Domini MCMXXI», «Подорожник», «Белая стая», «Четки» и «Вечер».

⁵ Об отношении Пастернака к И. Северянину см. наст. том: Пастернак — Познер, п. 2, примеч. 5.

⁶ Здесь и далее Пастернак указывает страницы сборника, на которых напечатаны следующие стихи (в скобках нами обозначены соответствующие страницы издания: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л.—М., «Сов. писатель», 1977): с. 199 — «Там тень моя осталась и тоскует» (с. 121); с. 203 — «Да, я любила их, те сбираща ночные» (с. 178); с. 198 — «Из памяти твоей я выну этот день» (с. 120);

⁷ с. 222 — «Прогулка» (с. 56); с. 223 — «Вечером» (с. 56); с. 224 — «Все мы бражники здесь, блудницы» (с. 57); с. 225 — «После ветра и мороза было» (с. 58); с. 226 — «Коноязычно славивший меня» (с. 152); с. 227 — «И на ступеньки встретить» (с. 58); с. 232 — «Настоящую нежность не спутаешь» (с. 60); с. 235 — «Столько проосьб у любимой всегда» (с. 62); с. 237 — «В последний раз мы встретились тогда» (с. 62); с. 238 — «Здравствуй! Легкий шелест слышишь» (с. 63); с. 239 — «Цветов и неживых вещей» (с. 63); с. 240 — «Каждый день по-новому тревожен» (с. 64); с. 241 — «Михаилу Лозинскому» (с. 67); с. 243 — «Я научилась просто, мудро жить» (с. 67).

⁸ с. 249 — «Вижу выцветший флаг над таможней» (с. 71); с. 253 — «Ты письмо мое, милый, не комкой!» (с. 73); с. 256 — «Вечерние часы перед столом» (с. 75); с. 264 — «Знаю, знаю, — снова лыжки» (с. 78); с. 265 — «Венеция» (с. 79); с. 266 — «Протертый коврик под иконой» (с. 79); с. 267 — «Гость» (с. 80); с. 269 — «Александру Блоку» (с. 81); с. 271 — «В то время я гостила на земле» (с. 323).

⁹ с. 50 — «Не с теми я, кто бросил землю» (с. 152); с. 69 — «Встреча» («Призрак», с. 178); с. 145 — «Чернеет дорога приморского сада» (с. 96); с. 174 — «Ни в лодке, ни в телеге» (с. 110); с. 194 — «Широк и желт вечерний свет» (с. 119); с. 198 — «Из памяти твоей я выну этот день» (с. 120).

¹⁰ Софья Андреевна Толстая-Есенина, внучка Л. Толстого, вдова Есенина.

¹¹ Нина Александровна Табидзе — жена грузинского поэта Тициана Табидзе.

¹² Зинаида Николаевна Пастернак.

¹³ Лев Николаевич Гумилев — сын Ахматовой.

¹⁴ Стихотворение «Борис Пастернак» (позднее — «Поэт» — см.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы Л., 1976, с. 188). Эпиграф к «Иве» взят из стихотворения Пастернака «Импровизация».

¹⁵ Речь идет о статье В. Перцова «Читая Ахматову» (ЛГ, 1940, № 38, 10 июля).

8. ПАСТЕРНАК — АХМАТОВОЙ

⟨Переделкино. 1 ноября 1940 г.⟩

Дорогая, дорогая Анна Андреевна!

Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы хоть немного развеселить вас и заинтересовать существование в этом снова надвинувшемся мраке, тень которого с дрожью чувствую ежедневно и на себе. Как вам напомнить с достаточностью, что жить и хотеть жить (не по какому-нибудь еще, а только по-вашему) ваш долг перед живущими, потому что представления о жизни легко разрушаются и редко кем поддерживаются, а вы их главный создатель.

Дорогой друг и недостижимый пример, все это я вам должен был бы сказать тем серым днем августа, когда мы последний раз видались¹ и вы мне напомнили, как категорически вы мне дороги. А между тем я пренебрегал возможностями встречи с вами, уезжал на целые дни в Москву, для встречи поезда для учащихся,шедшего вне графика и не по расписанью из Крыма, с Зиною и ее больным сыном, которого надо было устроить в больницу и даже день приезда которого был неизвестен. В скобках, для удовлетворения естественного интереса, все обошлось благополучно, и мальчик, проболев с месяц, теперь выздоровел².

Борису Пастернаку

Анна Ахматова.

10 октября 1933. Москва.

А. А. АХМАТОВА

Фотография М. С. Наппельбаума, 1933

С дарственной надписью: «Борису Пастернаку Анна Ахматова. 10 октября 1933 г. Москва»

Личный архив Пастернака, Москва

Я не читаю газет, как вы знаете. И вот, последнее время, когда я спрашиваю, что на свете нового, я узнаю одну вещь радостную и одну грустную: англичане держатся³, обижают Ахматову⁴. О если бы между этими новостями, мне одинаково близкими, мог существовать обмен веществ и сладость одной могла ослабить горечь другой!

Я говорил вам, Анна Андреевна, что мой отец и сестры с семьями в Оксфорде, и вы представите себе мое состоянье, когда в ответ на телеграфный запрос я больше месяца не получал от них ответа. Я мысленно похоронил их в том виде, какой может подсказать воображенью воздушный бомбардировщик, и вдруг узнал, что они живы и здоровы. <...>

Простите, что я так грубо и как маленькой привожу вам примеры из домашней жизни в пользу того, что никогда не надо расставаться с надеждой, все это, как истинная христианка, вы должны знать, однако, знаете ли вы, в какой цене *ваша надежда* и как вы должны беречь ее?

«Смирив души неукротимый ропот» и т. д.— в общей сложности 4 строки у меня записаны⁵, но вы не договорили тогда,— нас позвали к Фадееву. Книжку вашу мне подарили в Гослитиздате. Если бы вам пришла фантазия сделать мне надпись, пошлите мне ее в счастливую и легкую минуту,— я ее вклею. Однако вы можете тут же забыть о сказанном, я вас не буду теснить ожиданием.

Два ваших почитателя, муж и жена, просили меня переслать вам письмо, я сообщил им ваш адрес и отоспал письмо обратно. В нем не было ничего дурного, но оно слишком лазурно и безоблачно для пересылки. Зная вас и вашу нынешнюю грусть и хмурость, я не вправе поддерживать то нереальное представление о поэте, которым дышит их обращение, немного вневременное и внепространственное.

Это бедные люди, каких очень много, что именно в похвалу им, а не во осуждение, он сын ветеринарного врача, пробовал сам писать, его попытки свободны от той блестящей безвкусицы удачливости, которая так часто и быстро выводит на широкую дорогу, но (его) недостаткам не хватает гения, чтобы стать достоинствами, и, таким образом, шероховатое его тяжелодумье остается при нем в качестве глубоко колоритной черты, просящейся под перо какого-нибудь нового Достоевского или Писемского. Это скромные и очень достойные люди, но зачем я на их счет так расписался?

Не считайте неуважением к себе, что я без всякого страха пишу вам таким слогом, с такими помарками и такой вздор.

От всего сердца желаю вам здоровья.

Ваш Б. П.

На конверте обратный адрес: «Ст. Баковка, Зап. ж. д. Дачный гор. писателей «Переделкино», № 3; почт. шт.: «Москва. 1.11.40».

¹ В августе 1940 г. Анна Ахматова на 5 дней приезжала в Москву. Два дня она провела в Переделкине на даче Пастернака.

² В это время заболел костным туберкулезом старший сын З. Н. Пастернак, Адриан Нейгауз (1925—1945). Он был в санатории в Евпатории, куда за ним ездила Зинаида Николаевна. Улучшение, о котором пишет Пастернак, было временным, Адриан умер после пяти лет тяжелой болезни.

³ Имеется в виду мужественное сопротивление Англии немецким воздушным бомбардировкам. Душевное состояние этих дней отразилось в стихах Ахматовой «Когда погребают эпоху...» и «Лондонцам» («Стихотворения и поэмы». М.—Л., «Сов. писатель», 1977, с. 208).

⁴ Летом и осенью 1940 г. в газетах появились критические отзывы на сборник «Из шести книг», напр., упомянутая рецензия В. Перцова (см. п. 7, прим. 15) и отзыв С. Нагорного, утверждавшего, что «стихи Ахматовой глубоко чужды самому духу советского общества» («Следующий номер». Рецензия на № 8-9 журнала «Литературный современник», 1940.—ЛГ, 1940, № 50, 29 сентября).

⁵ Неизвестные стихи Ахматовой. Запись их в архиве Пастернака не обнаружена.

БОРИС ПАСТЕРНАК — НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Пастернак и Тихонов познакомились в начале 1924 г. в лефовском кружке у Бриков. Сразу завязалась переписка, подкрепляемая личными встречами и рассказами общих знакомых. Тихонов привлек внимание Пастернака своим недавно вышедшим сборником стихов «Брага»¹. Действенная поэзия войны и мужества вызывала в Пастернаке самые горячие симпатии. За написанным виделась нелегкая биография человека, недавно вернувшегося с фронтов мировой и гражданской войны, энергия и военная романтика были не выдуманными, а кровно пережитыми.

Применяя к самому Пастернаку слова, написанные им о Верлене, можно сказать, что он «требовал «не слов, а дела» даже и от искусства слова, т. е. хотел, чтобы поэзия содержала действительно пережитое или свидетельскую правду наблюдателя»². Именно этой правдой поразила Пастернака молодая поэзия Тихонова: «Вы поэт моего мира и по-